

Факторы демократического перехода Веймарской республики

Аннотация. В статье в качестве методологического эксперимента проведен анализ первой германской демократии – Веймарской республики – с точки зрения теории демократического транзита (транзитологии). Это уже не новое для западной историографии теоретическое направление совсем недавно переместилось на просторы российской историографии и может быть рассмотрено в качестве методологического ориентира с учетом той критики, которую оно успело проработать за годы своего существования (с начала 1970-х гг.). Критерии перехода от авторитаризма к демократии от двух основоположников теории – Уолта У. Ростоу и Данкварта Ростоу – малоприменимы к истории Германии начала XX в., хотя формально Ноябрьская революция была одной из форм демократического транзита и привела к формированию демократического государства. Веймарская республика не имела почти ни одной из необходимых для формирования демократического государства предпосылок, выдвигаемых транзитологией в качестве критериев «перехода», однако принятая историографическая парадигма веймаристики считает первую германскую демократию состоявшейся, хотя и не столь долгой и успешной, как традиционно сопоставляемая с ней история второй германской демократии – ФРГ. Теория демократического транзита имеет свои границы и преимущества, открывая свежий взгляд на первостепенную для Германии XX в. проблему дрейфа между авторитаризмом и демократией.

Ключевые слова: Германия, Первая мировая война, межвоенный период, Веймарская республика, Версальский мир, первая германская демократия, демократический транзит, транзитология, теория модернизации, мобилизация населения.

Review. This article presents as a methodological experiment an analysis of the first German democracy – the Weimar republic – from the point of view of the theory of democratic transition (transitology). This is not a new theoretical approach for Western historiography, but it has only recently been taken up by Russian scholars and can be considered as a separate methodological direction, taking into account the criticism it has received during its development (from the beginning of the 1970s). The criteria for the transition from authoritarianism to democracy proposed by the two founders of the theory – Walt W. Rostow and Dankwart Rustow – have rarely been applied on the history of Germany at the beginning of the 20th century, although the November revolution was in fact one of the forms of democratic transition and brought about the formation of a democratic government. While the Weimar republic basically did not have a single of the necessary preconditions for the establishment of a democratic government proposed by transitology as a criteria of “transition”, nonetheless the accepted historiographical paradigm of the Weimar epoch accepts it as the first German democracy, though not as long-lasting and successful as the traditionally paralleled with it history of the second German democracy – the Federal Republic of Germany. The theory of democratic transition has its limitations and advantages, and gives a new look at Germany’s primary issue of the 20th century that of the glide between authoritarianism and democracy.

Key words: theory of modernisation, transitology, democratic transition, first German democracy, Treaty of Versailles, Weimar republic, interwar period, First World War, Germany, population mobilisation.

В последние годы в рамках «апробации» на постсоветском пространстве одной за другой концепций и теорий, позаимствованных у западной историографии, в российскую науку проникают методы, которые позволяют взглянуть на известные исторические события с новой точки зрения. В частности, до отечественной историографии дошли отголоски такого теоретического направления,

как транзитология, или теория демократического транзита, которая является прямым продолжением теории модернизации и изучает условия «перехода» государства от авторитарных форм правления к демократии. В надежде бросить свежий взгляд на первостепенную для истории Германии проблему рассмотрим в качестве методологического эксперимента некоторые общие позиции транзитологии с точки зрения тех

преимуществ, которые она может принести в исследование одной конкретной демократии, а именно Веймарской.

Всплеск интереса к теме демократического перехода был подогрет распадом Советского Союза, на месте которого образовался ряд государств, столкнувшихся с проблемой ускоренного построения демократии. Эту проблему пришлось решать и Германии после объединения в 1990 г., хотя распространение устройства ФРГ на «новые земли» имеет свою очевидную специфику. Германия отличается от других государств, находящихся в процессе построения демократии, еще и тем, что 1990 г. стал для нее уже третьим опытом демократического перехода. И если 1945 г. оказался для ФРГ «часом ноль» в позитивном смысле нового начала, если объединение Германии позволило распространить этот принцип на весь немецкий народ, включив в рамки демократии территории бывшей ГДР, то первый опыт – Веймара – кажется неудачным, поскольку неизбежно оценивается с точки зрения своих непосредственных результатов.

Интерес к транзитологии связан в первую очередь с тем, что она вносит в исторические исследования преимущества этического порядка, что связано с ее двояким пониманием в науке: с одной стороны, это метод выработки критериев демократического перехода, а с другой стороны – это мировоззренческий принцип, постулирующий предстоящее торжество демократии. Исходя из этого принципа мы можем назвать возникновение в Германии республики естественным, подчеркивая конструктивный потенциал Веймара вне зависимости от пути, которым Германия пошла дальше. Этот же принцип делает ФРГ наследницей Веймара, т. е. преемницей всего того демократического опыта, который был накоплен в годы республики и востребован после 1945 г., сыграв тем самым позитивную историческую роль.

Та же установка на неизбежность демократии приводит нас к выводу, согласно которому крушение республики в 1933 г. было исторической ошибкой. Здесь очевидны и границы метода, поскольку теория демократического транзита неспособна объяснить неудачу демократии ничем иным, кроме как исторической случайностью. Исследователи обязаны учитывать случайность как исторический фактор, но только в совокупности с другими условиями, повлиявшими на исторический процесс в том или ином ключе. Об этом пишет и американский политолог, теоретик транзитологии Филипп Шмиттер, призы-

вая «учитывать “врожденные пороки” процесса демократизации, обусловленные не только характерными для данного общества структурными особенностями, но и сопутствующими обстоятельствами, возникающими непосредственно в момент смены режима» [8, 14]. Однако критерии «случайного крушения демократии» транзитология не разрабатывает, за что и получает лавину долю критики, поскольку, например, «переходные» посткоммунистические режимы на долгое время консервируются в состоянии между авторитаризмом и демократией, что в рамках теории демократического транзита необъяснимо.

По поводу критериев, применяемых для оценки и прогнозирования демократического перехода, также существуют споры, в ходе которых список критериев сильно изменился. Уже один из основоположников теории модернизации Уолт У. Ростоу в своей известной работе «Политика и стадии роста» [7, 149–150] называл шесть правил, которые позволяют государству перейти к демократии. Сочетание этих правил довольно скоро было признано неэффективным, т. к. оказалось недостижимым для большинства государств. Оценивая Ноябрьскую революцию в Германии на основании этих критериев, придется признать, что из них наличествовала хорошо если малая часть. Разберем их по отдельности.

1. Сосредоточение всей энергии, талантов и ресурсов страны на задачах модернизации общества, а не на внешних авантюрах.

Транзитология выделяет четыре основных типа перехода к демократии – пакт, навязывание, реформы и революция, среди которых революционное восстание считается нечастым явлением, поскольку подразумевает вовлечение традиционно далеких от политики масс [2, 13]. В Германии начала XX в. демократический транзит произошел в форме революции, т. е. в процесс включилось максимальное число участников. В то же время термин «мобилизация» отсылает нас к влиянию на государство и общество последствий Первой мировой войны. На степень вовлеченности населения в социальную трансформацию повлиял не столько сам революционный процесс, сколько наличие взбудораженной войной, сорванной с насиженных мест активной массы, которая с легкостью включилась в революционную деятельность, когда почитала ее лучшим (чем война) применением для своей невостребованной энергии. В юбилейной коллективной монографии «Первая миро-

вая война и судьбы европейской цивилизации», сравнивающей различные аспекты трансформации европейских стран в до- и послевоенный период, всплеск социальной активности причисляется к общим чертам перестройки политических систем: «...все страны переживали тогда серьезный стресс, и для власть имущих было исключительно важно направить вырвавшийся в результате этого огромный эмоциональный заряд в выгодное для себя русло» [5, 193]. Тем самым таланты и ресурсы в Германии к концу 1910-х гг. были мобилизованы, и дело оставалось за малым – использовать их на благо республики.

Реализацию этой задачи оценивает также следующий критерий У. У. Ростоу.

2. Повышение участия населения в решении проблем страны.

Оба критерия позволяют нам оценить эффективность новой демократии в перенаправлении энергии масс на новые созидательные цели. В этом отношении Веймар оказался неспособным к продуктивной мобилизации общества ввиду отсутствия позитивного общественного консенсуса. Первая германская республика является подходящей иллюстрацией для «эпохи крайностей» Эрика Хобсбаума, поскольку ее политический спектр отличался полярностью. К началу 1930-х гг. «лицо» веймарской демократии определяли левые и правые экстремисты, взывающие к радикальным методам политической практики. Эту слабость веймарской демократии удачно характеризует выражение германского историка Эрика Вайтца, так писавшего о Веймарской республике: «...демократическая политическая система не может долго выносить ситуацию, в которой каждая проблема возводится до уровня идеологического спора в предельных величинах» [13, 365]. Тот политический и социальный центр, который связывает воедино плюрализм демократического общества и придает ему стабильность, не смог найти идею, которая олицетворяла бы веймарскую демократию и была принята большинством германского населения.

Однако консенсус в Веймарской республике все-таки существовал, и достигнут он был на основе восприятия окружающей действительности как кризиса. Немецкие исследователи Моритц Фёлльмер и Рюдигер Граф приходят к выводу, что действительно кризисной ситуации ни в сфере политики, ни в социальной или культурной сфере Веймара не наблюдалось. Но кризис разразился, поскольку был сконструирован в глазах общественности за счет всеобщего

сгущения красок и завышенных ожиданий [10, 38–41]. Это тот самый случай, который показывает, что сознание определяет бытие ничуть не в меньшей мере, чем наоборот.

3. Осуществление модернизации в соответствии с культурой и традициями страны и превращение ее в национальную идеологию.

Если говорить о политической модернизации, то в случае Веймара речь идет о том, насколько прежняя общенациональная идея увязывалась с новой демократической. Вместе с завершением Первой мировой войны в сознании германского населения произошел своеобразный перелом в восприятии государственной политики: цели, на которые вся страна напряженно работала в течение четырех лет войны, оказались не связанными с результатами этих трудов – условиями Версальского мира и послевоенным устройством Европы. При этом на республику была возложена ответственность не за начало, а за завершение войны, и это – при сохранении преемственности политических элит и их общегосударственных целей [3]. Не останавливаясь подробно на общеизвестном мифе об «ударе кинжалом в спину» и его роли в падении первой германской республики, скажем только, что для восприятия демократии внутри страны, для ее идентификации с национальной идеей последствия войны были пагубными. Демократический облик нации не вызывал чувства гордости и не способствовал национальной интеграции, что немецкий историк Хайнрих Винклер называет «разрывом с “прогрессивным” национализмом» [14, 611].

С точки зрения теории демократического транзита этот фактор мог оказаться решающим для неудачи веймарской демократии, поскольку именно национальный вопрос стал разменной картой в политике национал-социалистов. Демократия оказывается более эффективной в разрешении «классовых» противоречий, чем национальных, и если этап «перехода» застаёт страну на этапе осмысления идентичности, переплетение идеологических поисков может воспрепятствовать успеху демократического строительства. Филипп Шмиттер и Терри Л. Карл высказывают гипотезу, согласно которой «вероятность достижения равновесия <...> снижается, если разделение на сторонников и противников старого режима происходит не по “классовому” признаку <...> а по национальному или связанному с вопросами идентичности» [2, 19]. Таким образом, демократические идеалы не преврати-

лись в Веймарской республике в основу общенационального консенсуса, не приобрели даже черты идеологии, что сделало ее уязвимой для нападков самого разного характера, в которых в Германии к началу 1930-х гг. не было недостатка.

Из этого следуют и выводы относительно следующего критерия У. У. Ростоу.

4. Достижение компромисса между ведущими политическими партиями при осуществлении политики.

Помимо консенсуса на основе демократической идеологии (о чем говорится выше) для осуществления данного условия в Веймарской Германии не хватало времени, достаточного для проведения ровного политического курса – неизменного до тех пор, пока не станут заметными его результаты. Структура веймарского парламентаризма (пропорциональная избирательная система) способствовала постоянной смене коалиционных правительств, редко способных забыть о разногласиях ради общей цели. Эта черта стала характерной для послевоенной Европы, о чем пишет профессор МГУ имени М. В. Ломоносова Лев Белоусов: по иронии истории именно появление пропорциональных избирательных систем стало одной из ключевых предпосылок формирования тоталитарных режимов в странах Запада [5, 606]. По словам немецкого историка Хорста Мёллера, «политические партии воспринимали свои задачи в рейхстаге лишь на время, а потому не в полной мере» [4, 211]. Вдобавок к этому весомый процент правых и левых радикальных сил противостоял парламентской демократии как таковой и отрицал любые действия веймарского правительства, нарушая устойчивость системы в целом.

5. Обеспечение высоких и устойчивых темпов экономического роста и концентрация ресурсов для общественных (государственных) целей.

Экономическое развитие Веймара было отягчено необходимостью репарационных выплат, а на рубеже 1920–1930-х гг. – мировым экономическим кризисом. Таким образом, экономическая конъюнктура не способствовала демократическому переходу, т. к. требовала жестких мер по преодолению последствий Первой мировой войны, проще всего реализуемых при посредстве сильного государства. Повышение роли государства в экономике стало распространенной тенденцией западных стран в межвоенный период, но в Германии оно проявилось в крайней форме – вероятно, как раз потому, что

экономические потрясения застали ее на этапе незавершенного демократического перехода и сопровождались еще не устоявшейся эффективностью принятия государственных решений.

Вторая составляющая критерия – концентрация на общественных целях – тоже не была реализована, поскольку социал-демократическое правительство воздержалось от широких социально-экономических реформ – например, от земельной, от введения прогрессивного налога и т. д. В результате традиционная социальная база демократии – средний класс – беднел и маргинализировался, а вместе с ним снижался и процент голосующих за демократию граждан [4, 226–229]. Социально-экономическая инертность Веймара способствовала и сохранению рычагов власти в руках недемократических сил: ведь реформы армии и бюрократического аппарата не были проведены. Умеренность преобразований, объединенная с видимостью открытых перспектив, вызвала к жизни всеобщую веру в предстоящие позитивные изменения. И в этой вере настоящее не было ценным само по себе, оно оказывалось только мостом, переходным периодом, о котором не следовало жалеть [11, 378–380].

6. Осуществление в области международных отношений политики регионального сотрудничества, выработка умения избегать вмешательства извне и играть достойную и эффективную роль на мировой арене.

В этом вопросе поле деятельности Веймарской республики было сковано условиями Версальского мира и межвоенным устройством международных отношений. О преемственности регионального сотрудничества не могло быть и речи, т. к. Германии было запрещено вспоминать о тех территориях, которые ее окружали и с которыми она имела долгую историю тесных связей. В первую очередь разрыв линии наблюдался в отношении бывших германских земель, населенных этническими немцами. Но и в других сферах внешней политики перед республикой открывалась перспектива со многими неизвестными. Например, построение отношений с социалистическим государством Советской Россией не имело прецедентов и потому было делом рискованным. Отсутствие исторических примеров снижало способность предвидеть последствия того или иного выбора, что автоматически делало внешнюю политику Веймара менее последовательной и нарушало линию преемственности с предшествующим периодом. К этому добавлялось общественное мнение, которое

сравнивало успехи нового режима с прежними и редко называло результаты внешней политики молодой республики достижениями.

Подводя итоги оценке условий веймарского транзита на основании критериев У. У. Ростоу, отметим, что их наличие для исследуемого периода в Германии как по отдельности, так и в совокупности сомнительно. Кроме того, формулировки критериев размыты и явно не приспособлены служить шкалой для измерения конкретных исторических условий. Одно дело – констатировать задним числом наличие общегосударственной демократической идеологии или компромисса в проведении политики, и совсем другое дело – оценивать эффективность и «достоинство» внешней политики или соответствие модернизации национальным традициям в качестве выводов общего значения.

Выходом из этого методологического тупика может стать сведение критериев перехода к демократии к минимуму общезначимых. Еще один основоположник теории демократического транзита, американский политолог Данкварт Растоу, выдвигал всего два условия [6, 6–7]: **1) твердое решение части политических лидеров принять новый порядок и 2) неоспоримость государственных границ**, поскольку конфликты и применение силы считаются не совместимыми с демократическими принципами. Как писал Ф. Шмиттер, продолжая мысль Д. Растоу, «любая законная форма правления может существовать лишь при условии, что по этим вопросам достигнута и соблюдается договоренность, – особенно если речь идет о демократическом правлении, поскольку при нем оспаривать самоидентификацию и границы территориальной единицы гораздо легче, чем в автократиях» [8, 15–16].

Несмотря на то что два названных критерия максимально широко применимы, в случае Веймара ни одного из них не оказалось в наличии. 1) Демократическая элита не нашла того вектора политического развития, который сплотил бы ее значительную часть. 2) Открытый вопрос о границах Германии на Востоке и несогласие с границами на Западе препятствовали оформлению пространства, которое представляла собой Веймарская республика. Само государство, в отношении которого велись споры, не было ясно определено в общественном сознании ни в ментальном, ни в политическом плане. В результате открытость перспектив и интеллектуальный плюрализм, традиционные

спутники демократии, не сыграли ей на руку, а превратились в нестабильность и беспорядочность, способствовав ее разрушению.

Исходя из названных подходов к оценке демократического транзита, следовало бы сделать вывод, согласно которому «переход» к демократии в Германии в начале XX в. не произошел ввиду отсутствия тому достаточных предпосылок. Этот вывод, однако, не находит отражения в узкоспециальных исследованиях. Подавляющее большинство историков едины в том, что история Веймарской республики была недолгой, но вполне достаточной для того, чтобы назвать демократию состоявшейся. Подтверждением этому может служить употребление термина «демократия» в отношении Веймарского государства, какие бы эпитеты к нему ни добавлялись [1, 4–5]. То, что эта демократия не смогла ответить ни на один из «вызовов истории» (используя выражение Арнольда Тойнби), может говорить только о том, что для нее этот вызов оказался слишком сильным – вероятность, которую отмечал уже Д. Растоу: «Явная неудача при разрешении какого-то животрепещущего политического вопроса ставит под удар будущее демократии. Когда же нечто подобное происходит в начале стадии привыкания, последствия могут оказаться роковыми» [6, 12]. Но это уже вопрос не демократического, а тоталитарного перехода.

Таким образом, главная лакуна транзитологии обнаруживается в том, что она концентрируется на этапе перехода, в то время как слабости и сильные стороны демократии проявляются в период ее стабильного существования, и ключевую роль в этом играет исторический контекст. К недостаткам метода следует отнести также то, что при строгом его применении анализ сводится к единожды заданным факторам, которые исключают многообразие исторического процесса и ситуативные изменения. В качестве альтернативы мы можем отказаться от слова «критерии» и назвать их в традиционном историческом ключе «факторами». Последние обозначают конкретные обстоятельства, которые способствовали демократическому переходу и делали его возможным, но не непременно. В этом случае мы, с одной стороны, избежим линейных трактовок теории модернизации, а с другой – сможем позаимствовать у транзитологии новые вопросы о всеобщем и закономерном в историческом процессе и свежий взгляд на проблему перехода к демократическому государственному устройству.

Библиография:

1. Евдокимова Т. В. Вышедшие из тени забвения: рейхсканцлеры Веймарской Германии. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011. 290 с.
2. Карл Т. Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 6–27.
3. Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. 536 с.
4. Мёллер Х. Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 311 с.
5. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М.: Издательство Московского университета, 2014. 816 с.
6. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
7. Ростоу У. У. Политика и стадии роста. М.: Прогресс, 1973. 208 с.
8. Шмиттер Ф. Размышления о транзитологии: раньше и теперь // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 8–25.
9. Büttner U. Weimar. Die «überforderte» Republik 1918–1933. Stuttgart: Klett-Cotta, 2008. 864 S.
10. Föllmer M., Graf R. (Hg.) Die «Krise» der Weimarer Republik. Zur Kritik eines Deutungsmusters. Frankfurt a.M.: Campus Verlag, 2005. 367 S.
11. Graf R. Die Zukunft der Weimarer Republik. Krisen und Zukunftsaneignungen in Deutschland 1918–1933. München: Oldenbourg Verlag, 2008. 460 S.
12. Hartwig W. (Hg.) Politische Kulturgeschichte der Zwischenkriegszeit 1918–1939. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 376 S.
13. Weitz E. D. Weimar Germany. Princeton: Princeton University Press, 2007. 425 p.
14. Winkler H. A. Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München: Beck, 1993. 980 S.

References (transliterated):

1. Evdokimova T. V. Vyshedshie iz teni zabveniia: reikhsantslery Veimarskoi Germanii. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2011. 290 s.
2. Karl T. L., Shmitter F. Demokratizatsiya: kontsepty, postulaty, gipotezy (Razmyshleniya po povodu primenimosti tranzitologicheskoi paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsii) // Polis. 2004. № 4. S. 6–27.
3. Lannik L. V. Germanskaya voennaya elita perioda Velikoi voiny i revolyutsii i «russkii sled» v ee razvitii. Saratov: Sarat. gos. tekhn. un-t, 2012. 536 s.
4. Meller Kh. Veimarskaya respublika. Opyt odnoi nezavershennoi demokratii. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 311 s.
5. Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii / Pod red. L. S. Belousova, A. S. Manykina. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 816 s.
6. Rastou D. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli // Polis. 1996. № 5. S. 5–15.
7. Rostou U. U. Politika i stadii rosta. M.: Progress, 1973. 208 s.
8. Shmitter F. Razmyshleniya o tranzitologii: ran'she i teper' // Otechestvennye zapiski. 2013. № 6 (57). S. 8–25.
9. Büttner U. Weimar. Die «überforderte» Republik 1918–1933. Stuttgart: Klett-Cotta, 2008. 864 S.
10. Föllmer M., Graf R. (Hg.) Die «Krise» der Weimarer Republik. Zur Kritik eines Deutungsmusters. Frankfurt a.M.: Campus Verlag, 2005. 367 S.
11. Graf R. Die Zukunft der Weimarer Republik. Krisen und Zukunftsaneignungen in Deutschland 1918–1933. München: Oldenbourg Verlag, 2008. 460 S.
12. Hartwig W. (Hg.) Politische Kulturgeschichte der Zwischenkriegszeit 1918–1939. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 376 S.
13. Weitz E. D. Weimar Germany. Princeton: Princeton University Press, 2007. 425 p.
14. Winkler H. A. Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München: Beck, 1993. 980 S.